

В.Л.Хейфец, Л.С.Хейфец

От Охотного ряда до Ист-Ривер: жизнь и судьба революционера Хосе Антонио Майобре

В статье, написанной на основе ранее не публиковавшихся архивных документов, мемуаров, сопоставленных с научной литературой, рассматривается биография выдающегося венесуэльского экономиста и политического деятеля Хосе Антонио Майобре. Жизнь его была наполнена яркими событиями: участием в основании и деятельности компартии Венесуэлы, работой в таких разных международных организациях, как Коммунистический интернационал, Международный валютный фонд (МВФ), ООН, Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки, в правительстве Венесуэлы и на дипломатической службе. Авторы сопоставляют повороты в жизни Майобре с этапами всемирной и венесуэльской истории.

Ключевые слова: Майобре, Коммунистическая партия Венесуэлы, МВФ, ООН, ЭКЛАК.

DOI: 10.31857/S0044748X0024416-6

Статья поступила в редакцию 02.09.2022

Вряд ли найдется специалист по международным экономическим отношениям, не знающий имени венесуэльца Хосе Антонио Майобре Ковы (1913—1980 гг.) — одного из соратников и преемников аргентинского экономиста Рауля Пребиша, участвовавшего вместе с ним в создании теории десаррольизма. Х.Майобре называли «отцом ОПЕК» и «экономическим гуру» президента Венесуэлы Ромуло Бетанкура (1948—1948, 1959—1964 гг.). Гораздо менее известна деятельность Майобре в рядах Коммунистиче-

Виктор Лазаревич Хейфец — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7-9; профессор Государственного университета аэрокосмического приборостроения (РФ, Санкт-Петербург, Большая Морская, 67, <https://orcid.org/0000-0002-7197-7105>, jeifets@gmail.com); **Лазарь Соломонович Хейфец** — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (<https://orcid.org/0000-0001-6376-7813>, ilaranspb@hotmail.com).

Статья подготовлена при поддержке РНФ (грант №19-18-00305 «Коминтерн в Латинской Америке: исторические традиции и политические процессы»).

ской партии (Partido Comunista de Venezuela, PCV) — участие в двух попытках основания партии и роль ее делегата на VII Конгрессе Коминтерна. В историю PCV вписаны имена людей, представляющих гордость Венесуэлы, хотя многих из них жизнь раскидала по разным политическим лагерям. Одним из таких активистов стал Майобре. История венесуэльской компартии в целом уже перестала быть «белым пятном» историографии. Целый ряд работ, включая труды американского историка Роберта Дж. Александера [1], российских ученых Л.С. и В.Л.Хейфецев [2, сс. 44-61], исследовательницы из Андского университета (Венесуэла) Доротеи Мельхер [3] вкупе с «официальной версией» истории PCV [4] позволяют проследить основные этапы развития организации венесуэльских коммунистов. В то же время биографические аспекты по-прежнему остаются малоизученным аспектом истории партии. В этой связи целью данной статьи является выявление — посредством базовых методов исторического исследования — этапов жизненного пути Майобре, его роли в развитии PCV и в целом деталей его политической биографии. Существующие немногочисленные жизнеописания Майобре [5] не содержат ряда фактов его отношений с компартией и иными политическими силами, что придает новизну настоящей статье, основанной во многом на архивных документах, хранящихся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) и лишь недавно ставших доступных исследователям.

НАЧАЛО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПУТИ: МАЙОБРЕ И ПЕРВЫЕ ГОДЫ PCV

Становление PCV происходило трудно, вопреки серьезным внутренним и внешним препятствиям. Венесуэльские эмигранты — противники авторитарного режима Хуана Висенте Гомеса (1909—1935 гг.) активно включались в деятельность зарождавшегося коммунистического движения на Кубе, в Мексике, США. Густаво и Эдуардо Мачадо, Сальвадор де ла Пласа в Мексике оказались среди основателей Венесуэльской Революционной партии (Partido Revolucionario Venezolano, PRV), внутри которой сформировали коммунистическую ячейку — Континентальную революционную группу (Grupo Continental Revolucionario, GCR). В III Интернационале соглашались с мнением венесуэльских оппозиционеров о наличии в стране революционной ситуации. Отвечая на вопрос руководителя орготдела Исполкома Коминтерна Бориса Васильева «когда произойдет там восстание?», руководитель Латиноамериканского секретариата Жюль Эмбер-Дро ответил: «Гражданская война там тлеет все время. За последние годы там происходили большие забастовки и крупные массовые движения» [6, с. 113]. При этом в Москве отказались поддержать планы GCR организовать вооруженное восстание в стране [2, сс. 44-61], настаивая на создании нелегальной компартии внутри Венесуэлы [7]. В январе 1930 г. штаб-квартира Коминтерна направила письмо венесуэльским коммунистам, требуя отказа от политики, позволявшей верить в возможность инициирования революционного движения в Венесуэле военной экспедицией эмигрантов, и указывая направить усилия коммунистов на революционную работу внутри страны [8, л. 1].

Для стимулирования процесса руководство III Интернационала направило в Южную Америку делегацию, действуя на основании императивной установки своего VI Всемирного Конгресса, требовавшей помочь новым национальным секциям превратиться в «настоящие» компартии. Этой «команде быстрого реагирования» предлагалось из Колумбии наладить контакты с рабочими центрами Венесуэлы, направив туда одного-двух товарищей «для установления связи» и создания среди рабочих страны подпольных коммунистических групп, основ профсоюзной организации и начал агитационно-пропагандистской работы [9, лл. 5-6]. В состав делегации ИККИ входили выпускники Международной Ленинской школы (МЛШ) венесуэлка Кармен Фортуть («Инес Мартель»), ее муж — колумбиец Гильермо Эрнандес Родригес и американец Джон Зак-Конфедер. Авангард группы составляли братья Фортуть — член компартии Франции Аурелио («Андрес Коллинс») и Мариано («Дельфин Брисеньо»), входивший в компартию США (Communist Party of United States of America, CPUSA), вернувшиеся в Каракас в начале 1931 г. [4, pp. 17-20].

В Венесуэле явно не знали — до поры до времени — об этих усилиях. В конце 1930 г. в Каракасе группа студентов, симпатизировавших левым, решила инициировать организацию компартии. Самым молодым среди неофитов марксистских идей оказался семнадцатилетний Хосе Антонио Майобре («Марин», «Монсаль»), сын аптекаря из Куманы, переехавший в столицу для учебы в лицее имени Андреса Бельо и с девятилетнего возраста подрабатывавший продажей газет и в аптеке. По оценке его кузена Элоя Лареса, Хосе Антонио с самого детства проявлял замечательные способности к учебе, всегда получая отличные оценки [5, p. 16].

Группе, которую потом называли «первой ячейкой» PCV, удалось издать несколько листовок под названием «Что должен знать каждый рабочий» и «25 уроков для рабочих». По оценке одного из лидеров ячейки Хуана Баутисты Фуэнмайора среди студентов, «решивших встать на революционный путь, царил серьезная идейная неразбериха. Мелкобуржуазные, анархистские индивидуалистические тенденции чередовались с деятельностью, типичной для рабочего класса, и господствовавшими до тех пор методами старых помещиков-каудильо». Разногласия привели к расколу группы, которые один из ее членов оценил в духе «Краткого курса истории ВКП (б)»: «Вечная история: большевики и меньшевики!..» [10, p. 79].

Приехавшие в конце 1930 — начале 1931 г. братья Фортуть установили контакт с молодыми коммунистами. Их усилиями был сформирован Временный ЦК, опубликовавший «Манифест Коммунистической партии к трудящимся Венесуэлы. Борьба за хлеб и землю» по случаю празднования Первого мая [11]. Присоединившийся к ним в апреле 1931 г. Джозеф Зак стал идейным наставником неофитов коммунистического движения, преподавателем идеологических основ марксизма [12, p. 212].

Но уже 29 мая 1931 г. в архитектурной мастерской А.Фортутля посланцы Коминтерна и большинство членов «первой ячейки» PCV были арестованы. Избежавшие ареста Хосе Антонио Майобре, Фернандо Кей Санчес, Родольфо Кинтеро и Анхель Маркес в августе 1931 г. сформировали Оргкомитет PCV как высший партийный орган [13, pp. 14-15]. По сведениям, приведенным в автобиографии, написанной в Москве, Майобре вошел в

Хосе Антонио Майобре, 1930-е годы.
РГАСПИ.

Секретариат оргкомитета, совмещая эту деятельность с работой в ячейке трамвайщиков с целью организации забастовки последних. Одновременно он работал в аптеке и преподавал. Новое руководство PCV оказалось в руках полиции почти через год — 10 марта 1932 г. В тюрьме Майобре (он находился за решеткой до 4 декабря 1934 г., а затем был депортирован на Тринидад) организовал ячейку коммунистов и был членом ее бюро. В эмиграции Майобре основал коммунистическую ячейку, которую возглавил, а также принял участие в создании компартии Тринидада (Communist Party of Trinidad). В июне 1935 г. Майобре был назначен делегатом PCV на VII Конгресс Коммунистического Интернационала [14, pp. 64-75].

О репрессиях известного своей жестокостью режима Х.В. Гомеса, вынудившего бежать из страны 70 тыс. политических эмигрантов и державшего в тюрьмах 3 тыс. политических заключенных, рассказала советская газета «Комсомольская правда», впервые представившая миру Майобре. Автор статьи, опубликованной под псевдонимом А.Ф. (А.Фортуль, сам прошедший через эту тюрьму), отметил особенно тяжелую судьбу 35 арестованных в 1931—1932 гг. и содержащихся в печально известном застенке Ла Ротунда: «Один из заключенных — Финмайор [так в тексте. Фуэнмайор. — Прим. авт.] заболел скоротечной чахоткой. Умиравшего держат вместе со всеми. У Эдуардо Франсиса — заражение крови. Самый молодой — Жозеф Антонио Майобр [так в тексте.] страдает жестокими припадками эпилепсии. Некоторые закованы в цепи, часто по двое. Каждое движение причиняет им невероятную боль». По оценке А.Ф., «Сад пыток» Октава Мирбо и «Межзвездный скиталец» Джека Лондона — детские игрушки и бледные фантазии по сравнению с изобретательностью тюремщиков Гомеса [15].

Через два года к теме репрессий в Венесуэле вернулся сам Майобре, под псевдонимом «Хуан Рибас» поведавший в «Правде» о «стране самой мрачной диктатуры», в которой господствует «режим белого террора». Автор подробно рассказывал об арестах по подозрению в революционной деятельности: «Если какой-либо шпион донесет, что этот человек — «бунтовщик», полиция отвозит его в Ла Ротунда. Там его начинают допрашивать. Если он что-либо знает, но отказывается давать показания, его подвергают пыткам; если он дает показания, его пытаются для того, чтобы он стал еще более разговорчивым; если ничего не знает, его пытаются для того, чтобы он донес на своих «сообщников». Власти не признают ни суда, ни формальностей, установленных законом. Заключенный остается в тюрьме,

не зная, сколько лет ему придется отсидеть в ожидании смерти. В тюрьме применяются всякого рода пытки... В большинстве случаев тюремные власти изолируют заключенного, бросают его в темную камеру без воздуха и солнца. Здесь люди похоронены живьем, они совершенно отрезаны от внешнего мира, им не дают ни книг, ни газет, ни бумаги... Группа из 34 коммунистов, среди которых находился и я, была заперта в камере длиной 8 метров, шириной в 6 метров. После двухлетнего пребывания в тюрьме из нашей группы умер 24-летний товарищ Мануэль Мальдонадо» [16].

После арестов членов Оргкомитета РСВ и участников «первой ячейки» Карибское бюро Коминтерна нашло новый путь формирования партии, учредив Вспомогательные комитеты в Барранкилье, Боготе (Колумбия) и Порт-оф-Спейне (Тринидад), ставшие важными центрами пропаганды и связи с новыми коммунистическими группами в Венесуэле [7]. Активную роль в колумбийском центре играли Густаво Мачадо, Сальвадор де ла Пласа, Мигель Отеро Сильва. В работе Вспомогательного комитета Порт-оф-Спейна с конца 1934 г. приняли участие освобожденные из тюрьмы и депортированные из страны Майобре, Кей Санчес и несколько других членов первой ячейки РСВ [17, р. 3].

Делегаты Вспомогательных комитетов Майобре (Порт-оф-Спейн) и Херман Тортоса (Барранкилья) стали венесуэльскими представителями (в статусе наблюдателей) на VII Всемирном Конгрессе Коминтерна, принявшем 20 августа 1935 г. решение о приеме в свои ряды РСВ. Одновременно с ними в Москве находился и Кей Санчес, направленный для учебы в МЛШ под псевдонимом «Сантьяго».

С трибуны конгресса, проходившего в Колонном зале Дома Союзов на московском Охотном ряду, делегат «Х.Ривас» оценил идеи доклада руководителя Интернационала Георгия Димитрова как открывающие «широчайшие перспективы для борьбы против фашизма» и дающие партии «общие линии нашей тактики»: «Теперь за нами очередь применить ее в каждом отдельном случае» [18]. Майобре признал, что коммунисты, «благодаря нашему сектантству», отклонили предложения нелегальных групп, выдвигавших лозунг образования народного правительства, о совместной борьбе против режима Гомеса. По его словам, Народный антиимпериалистический фронт в Венесуэле «смог бы вовлечь, кроме рабочих и крестьянских масс, также и мелкую буржуазию, и ту часть буржуазии, которая недовольна режимом, бесстыдно предающим страну в руки империалистов. Компартия стремится использовать все легальные возможности для создания единого антиимпериалистического фронта, массовых организаций. Легальные методы борьбы она старается сочетать с нелегальными... борьба в теперешних условиях требует от нас умения работать нелегально, если только мы не хотим, чтобы реакция сразу обрушилась на нас и лишила возможности осуществить единый народный фронт» [18].

В Советском Союзе Майобре провел целый год. За это время, по документально подтвержденным утверждениям его сына, он выучил русский язык и успел поработать в Госплане СССР. Встречающиеся иногда упоминания об учебе Майобре в МЛШ, скорее всего, ошибочны. В списках МЛШ он не фигурирует ни под своей фамилией, ни под известными псевдонимами, не сохранился и ни один партийный документ о том, что

Майобре был направлен в данную кадровую школу. Более того, в момент последующего взыскания, наложенного на Майобре и Кей Санчеса, о МЛШ говорится только применительно к последнему [19, с.122]; после же коминтерновской резолюции прием в школу и вовсе был невозможен ввиду строгих правил последней.

В годы пребывания в СССР у Майобре стали зарождаться первые сомнения по поводу безошибочности коммунистического строя. Позднее он рассказывал журналистам о том, как становился свидетелем сталинских «чисток» и бесследного исчезновения людей, с которыми еще вчера ему случалось работать [20]. Но молодой коммунист старался давить в себе «червя сомнения», поскольку был убежден: в условиях существования диктатуры на родине наилучшим орудием противостояния ей могут быть левые, в том числе коммунистические идеи и практика.

Венесуэльские делегаты конгресса активно лоббировали в Исполкоме Коминтерна интересы партии. Так, они обратились к руководителю Секретариата, курировавшего латиноамериканские секции, с просьбой «возможно быстро решить вопрос» об оказании РСВ «стабильной денежной помощи». Запрашивались весьма скромные средства (180 долл.), необходимые для содержания «трех руководящих товарищей и двух специальных товарищей, выделенных по силам» [21, л. 19]. Эту просьбу делегаты РСВ «сформулировали, исходя из того, что партия в результате крайней нелегальности и ее нынешней слабости не в состоянии мобилизовать средства путем всяких сборов и т.п.». К обращению за субсидиями их подтолкнули сообщения из Венесуэлы о том, что Генеральный секретарь партии находился «под прямой угрозой репрессий и ставился вопрос о необходимости его спрятать, а необходимые мероприятия в связи с этим невозможно было провести в жизнь из-за недостатка денежных средств» [21, л. 19].

В это время ситуация в Венесуэле начала радикально меняться. После смерти диктатора Гомеса 17 декабря 1935 г. и прихода на его место Элеазара Лопеса Контераса (1935—1941 гг.), занимавшего ранее пост министра обороны, открылся путь к смягчению политического климата в стране. Бурно шел процесс формирования профсоюзов и легальных политических партий. Но РСВ продолжала оставаться под запретом, хотя большинство ее членов работало в легальных партиях, за исключением «явных» коммунистов, которым по Конституции было запрещено участвовать в «демократической жизни». Это «двойное членство» предопределило тот факт, что коммунисты создавали фракции внутри легальных партий [22, с. 38].

СВЕРЖЕНИЕ С КОМИНТЕРНОВСКОГО ОЛИМПА

Еще в Москве в судьбе Майобре произошли важные изменения, повлиявшие на характер его последующих отношений с РСВ и Коминтерном. 25 сентября 1935 г. технический секретарь Лендер-секретариата Южной и Центральной Америки Ольга Алексеевна Мешковская проинформировала Отдел кадров ИККИ о том, что через несколько дней после приезда в Москву на лечение венесуэльского коммуниста Э.Франсиса («Севастополь») делегат Конгресса Х.Тортоса («Ромеро») и сотрудник Международного аграрного института Э.Мачадо («Перальта») заявили ей, «что

тов. РЕВОС [Так в тексте. — Прим. авт.] болтал при аресте, что его поступок обсуждался в Бюро тюремной ячейки» [23, р. 36]. При этом сообщалось, что «тов. Севастополь не может нас подробно информировать об этом... а тов. Ромеро тоже ничего не знал об этом, т.к. сидел в другой камере тюрьмы и только в тюрьме стал коммунистом» [23, р. 36].

Проверив автобиографию Майобре, Мешковская не нашла «ни одной строчки об этом случае и даже больше: я просила его уточнить обстоятельства его ареста, и даже после этого, он ни слова не упомянул о своей ошибке, ни о критике его со стороны Бюро тюремной ячейки». Она запросила указаний, что делать с «Х.Ривасом», а также сообщила о предстоящем приезде в МЛШ Кей Санчеса, дело которого «тоже разбиралось в Бюро тюремной ячейки» [23, р. 36]*.

Информаторы ИККИ, как видно из текста документа, не обладали всей полнотой информации (а Мачадо и вовсе не было в это время в Венесуэле). Через несколько дней свой взгляд на ситуацию поведал венесуэльский студент МЛШ «Рамирес» (Мануэль Симоса), указавший, что после нахождения в одиночной камере и пыток (бывший) коммунист Рауль Осорио (член Оргкомитета) «струсил и в своих показаниях, мало того, что скомпрометировал организацию, но выдал и назвал некоторых, бывших на свободе, товарищей: Майобре, Кей, Виктор Лара, Маркес, Кинтеро». Все они, по словам Симосы, не могли оставить партработу ввиду нехватки кадров и не были в состоянии уйти в подполье из-за нехватки средств. Ссылаясь на подозрения Франсиса (считавшего, что показания Майобре, арестованного в доме А.Маркеса, помогли полиции расшифровать его псевдоним), он отмечал в то же время: «Но это не ясно» [25, р. 21 (35)]. Симоса утверждал, что Майобре при допросе дал сведения о Марии Тересе Фортуль и указал дом родственников коммуниста Рикальди уже разыскивавшегося полицией. Сам Майобре пояснил в Бюро тюремной ячейки, что показания о М.Т.Фортуль, имели целью отвлечь внимание полиции от другой активистки РСВ (возможно, речь шла о ее сестре К.Фортуль, которую Карибское бюро рекомендовало Генеральным секретарем РСВ). То, что он указал дом родственников Рикальди, когда полиция добивались от него указания адреса самого Рикальди, якобы имело целью предупредить Рикальди, так как тот, увидев налет на дом родственников, понял бы, что полиция идет по его следам. Майобре считал свою тактику верной, поскольку Рикальди, обнаружив слежку, смог скрыться от полиции. Кей Санчес, по словам Симосы, не дал никаких показаний об иных коммунистах, но заявил, что про конспиративную деятельность партии могут рассказать другие арестованные [25, р. 22].

В ходе последовавшего разбирательства «Х.Ривас» подготовил для ИККИ отчет о ситуации в коммунистическом движении Венесуэлы, отметив, что РСВ была создана в условиях «сугубой нелегальности», ее руководство состояло из «элементов, известных как коммунисты или подо-

* Сама О.А.Мешковская в январе 1936 г. была исключена из ВКП (б), в феврале арестована и на так называемом троцкистском процессе приговорена к десяти годам тюрьмы (14 декабря). В Соловецком лагере Особой тройкой НКВД в декабре 1937 г. она приговорена к расстрелу по обвинению в активном участии в «подпольной контрреволюционной троцкистской организации» и казнена 17 февраля 1938 г. [24, с. 355].

зреваемых в коммунизме, в большинстве своем из студентов, и находилось под непосредственным надзором правительства... и это облегчало работу полиции». У не имевших опыта подполья неопитов коммунистического движения, по его мнению, «зачастую имело место небрежное отношение к самим принципам нелегальной работы» [26, л. 5].

Одной из причин слабости PCV, где состояло небольшое количество человек, Майобре считал аресты в 1931—1934 гг., которые привели к дезорганизации низовых организаций, потере ряда активистов и сочувствующих, отошедших от партии, и созданию нового руководства, «мало способного и малоопытного с политической и организационной точки зрения». Непонимание партией «характера революции» в Венесуэле и «необходимости народного фронта сказались, в первую очередь, в форме организационных недостатков и ошибок», писал автор доклада [26, лл. 6-7].

В ходе борьбы масс за демократический режим, изменившейся после смерти диктатора Гомеса, нелегальная PCV с участием вернувшихся из эмиграции старалась «применять решения VII Конгресса и создать широкий народный фронт», открыто работая в объединениях нефтяников, городских рабочих, служащих, студенческих организациях». По мнению Майобре, «слишком революционный характер, преждевременно приданный этим организациям, арест многих товарищей, являвшихся душой этих организаций, и, наконец, страх перед репрессиями у многих членов привели к исчезновению некоторых из этих организаций». Это вызвало у ряда товарищей ошибочное мнение, «будто наша работа в существующих легальных формах бесполезна... и что надо заменить эту форму работы абсолютно нелегальной работой. Этот взгляд начал доминировать в партии в последнее время, и использование нами легальных возможностей было очень незначительно» [26, лл. 8-9].

Особое внимание Майобре обратил на необходимость при воспитании членов партии выработать правила «поведения перед полицией», применяющей изощренные методы обработки заключенных: члены партии, не проинструктированные о поведении при аресте, «не знали методов полиции, и последней удавалось заставить их врасплох, поймать на противоречиях в показаниях и выведать у них кое-что». Большинство провалов Майобре объяснял полицейским шпионажем и лишь в немногих случаях «наглым предательством трусливых элементов... Однако большинство товарищей хорошо проводило такую линию: отрицать все или, когда невозможно было отрицать первое, делать вид, что хотя они сами и были коммунистами, но ничего не знают... Применялись разные пытки, и все же правительству никогда не удавалось вырвать их признание» [26, лл. 10-13].

Слабостью партии в отношении «ошибок, совершенных в этом отношении, Майобре считал, что она «не карала как следовало бы предателей и шпионов. Что касается первых, то она исключала их из партии, не оглашая факта их предательства, не разоблачая их перед массами» [26, л. 13]. Не столь важно, было ли это самокритичным ответом на запрос ИККИ о его собственном поведении в заключении или объективным, беспристрастным анализом ситуации, но в момент, когда «Х.Ривас» писал эти строки, он вряд ли задумывался над тем, как они отзовутся в его собственной судьбе.

Москва не была подвержена «слабостям» толерантного отношения к нестойким коммунистам. Расследование персональных дел Майобре и Кей Санчеса завершилось в Интернациональной контрольной комиссии (ИКК), обвинившей молодых коммунистов в том, что, будучи арестованными в 1932 г., они «выказали малодушие» и, опасаясь пыток, дали «ряд объяснений, раскрывших работу, которую партия вела по организации рабочего класса»: сообщили полиции адреса «товарищей, вынужденных скрыться в подполье, мероприятия партии по организации издания и распространения литературы и т.д.» [19, с. 122]. Комиссия пришла к выводу: «был причинен несомненный урон освободительной борьбе рабочего класса Венесуэлы с кровавой реакцией. Эти члены партии предали интересы партии вследствие своей трусости». Серьезный упрек был брошен руководству PCV, не понявшему «всех тяжелых последствий, которые влечет за собой такое позорное поведение членов партии», и возложившему на Майобре и Кей Санчеса после их освобождения из тюрьмы «исполнение ответственных заданий» [19, с. 122]. То, что их поведение рассматривалось Бюро партийной ячейки в Ла Ротунда, вынесшей им порицание, высшей контрольной инстанцией Коминтерна в расчет принято не было. ИКК постановила исключить из партии Майобре и Кей Санчеса, разрешив, «ввиду молодости и неопытности, через год ходатайствовать перед ЦК партии об обратном приеме в партию» [19, с. 122].

«Решение ИКК о Хосе Антонио Маджобре, Кей Санчесе и де Кастро*» увидело свет на страницах журнала «Коммунистический Интернационал», не часто публиковавшего подобные документы. Сегодня трудно судить о причинах интереса ИКК к Майобре и Кей Санчесу: поступила ли компрометирующая информация из Венесуэлы или вдруг внимание аппаратчиков привлекли сюжеты из статьи самого «Риваса» и документа, подготовленного им для ИККИ. Но учиненная «порка» была показательной и должна была в условиях роста волны репрессий в СССР, затронувших и Коминтерн, продемонстрировать не только PCV, но и прочим национальным секциям всемирной компартии непримиримое отношение к «предательству».

МАЙОБРЕ И PCV В 1936—1939 гг.

Майобре покинул Москву 16 июля 1936 г. По информации его сына, он намеревался (или имел директиву) вступить в Интербригады в Испании, но, когда прибыл на испанскую границу, та оказалась закрытой [5, р. 26]. Биограф явно приукрашивает факты из жизни отца, покрывая их героическим флером. Франкистский мятеж против правительства Народного фронта начался как раз в день отъезда венесуэльского коммуниста из Москвы, поэтому никаких инструкций о вступлении в Интербригады он получить не мог: решение Политбюро ЦК ВКП (б), рекомендовавшее ИККИ принять меры для организации интернационального корпуса в Испании, состоялось 26 августа 1936 г., а постановление Секретариата ИККИ об отправке в Испанию добровольцев-коммунистов с боевым опытом — 18 сентября [27, сс. 18-42]. Майобре же в сентябре уже вернулся на родину;

* Третьим в списке был активист португальской компартии.

в списках латиноамериканских добровольцев в Интербригадах он так и не появился.

Вопрос о возвращении Майобре в Венесуэлу, а затем — снова в СССР, обсуждался в марте 1936 г. Секретариат ИККИ, курировавший латиноамериканские секции, был крайне обеспокоен отсутствием «непосредственных сообщений от партии». Информация о первом манифесте PCV создала у функционеров ИККИ «весьма плохое впечатление», но и породила надежды в связи с тем, что «впоследствии линия партия была выправлена». Серьезнейшей проблемой для развития революционного движения страны в Коминтерне считали то, что временный президент Э.Лопес Контрерас опирался на статьи прежней Конституции, продолжая репрессии против коммунистов. При этом обращалось внимание на то, что в элите венесуэльского общества имелись силы, готовые «бороться за широкие демократические свободы, за созыв учредилки, против теперешнего конгресса... созрело время для создания «здоровых партий», действующих законными путями» [28]. Можно с уверенностью сказать: PCV были необходимы такие люди, как Майобре, знакомые с опытом международного коммунистического движения. Вернул ли он себе к этому времени партийный билет, которого его лишила ИКК, или нет, но Майобре сразу включился в подпольную коммунистическую работу.

В декабре 1936 — январе 1937 г. произошла первая крупная забастовка работников нефтедобывающей отрасли, организованная и направлявшаяся созданным незадолго до этого Венесуэльским профсоюзом нефтяников (Unión Sindical Petrolera de Venezuela, USPV), в котором руководящую роль играли коммунисты. Забастовщики требовали признания права профсоюзов представлять интересы трудящихся, установления минимума зарплаты, 8-часового рабочего дня, улучшения условий жизни и труда, прекращения произвола нефтяных компаний [22, с. 44]. С самого начала власти жестко преследовали бастующих и «неотступно следили за теми, от «кого пахло коммунизмом»». Губернатор штата Сулия вызвал к себе «подозреваемых в подстрекательстве» и предупредил их, чтобы «они под страхом ареста не показывались на нефтяных разработках». В этих условиях роль члена подпольного Центрального забастовочного комитета Майобре была экстраординарной: корреспондент газеты El País, писавший под псевдонимом «Карлос Эрнандес», он использовал свою работу журналиста для сбора информации и организации связи Центрального забастовочного комитета с его региональными подразделениями [22, с. 44]. «К.Эрнандес» стал довольно известным в столице штата журналистом, интервью которому давали высокопоставленные чиновники, не догадывавшиеся, что беседуют с активистом запрещенной партии. Забастовка, хотя и не принесла немедленных результатов, но дала толчок расширению антиимпериалистического движения и вовлекла в него новые силы, в первую очередь нефтяников.

Хесус Фариа — активный участник забастовки нефтяников, 40 лет возглавлявший PCV, говоря о пути в коммунистическое движение, оценил влияние своего друга с I Конференции PCV Хосе Антонио Майобре [29, с. 97], наряду с Густаво Мачадо, Херманом Тортосой, Сальвадором де ла Пласа, Эрнесто Сильвой Теллерия, Фернандо Кей Санчесом, Родольфо Кинтеро, Рикардо Мартинесом и др., так: «Мне очень нравилось слушать,

как они разговаривают: убедительные и острые полемисты. Внимательно слушать их было все равно, что присутствовать на настоящей лекции по марксизму-ленинизму» [30]. Фуэнмайор, Майобре и пара других активистов основали в 1936 г. оппозиционную газету *La Palabra*, уже в 1937 г. закрытую властями штата. 13 марта 1937 г. Майобре вместе Г.Мачадо, Р.Бетанкуром, М.Отеро Сильвой, С.де ла Пласой и другими оппозиционерами попал в список лиц, подлежащих депортации. Тогда он ушел в подполье и перебрался на запад страны, где, работая помощником в аптеке, выполнял одновременно партийную работу. В феврале 1939 г. Майобре все же попал на несколько месяцев за решетку, однако был освобожден в рамках новой политики Э.Лопеса Контрераса, начавшего медленный транзит к демократии.

Партия искала свою нишу в новой политической реальности. Как писал Х.Фариа, после смерти диктатора Гомеса PCV еще не выступала открыто, а «предпочитала оставаться в подполье и посылать своих членов в другие политические партии, например, в Национально-демократическую партию, Народно-республиканскую партию... В рядах PCV и вне ее, среди руководителей народных организаций и прогрессивной общественности широко обсуждался вопрос о возможности и необходимости для PCV проявить себя — «показать свое лицо. Но и в рядах PCV (даже среди тех, кто участвовал в VII Конгрессе Коминтерна) были сомневающиеся и возражавшие против того, чтобы PCV «показала свое лицо» [29, с. 82].

По оценке первого Генерального секретаря PCV Х.Б.Фуэнмайора, Х.А.Майобре и М.Отеро Сильва отстаивали политическую линию, выработанную в 1936 г., предлагая «заменить Коммунистическую партию организационными формами, вдохновленными АППА» [31, сс. 36, 86] (т.е. революционной, но многоклассовой, а не исключительно пролетарской партией). В результате обсуждения I Конференция одобрила позицию делегатов от штата Сулия и активиста PCV Котеппы Дельгадо, в целом расходившуюся с «линией 36 года» и предлагавшую создать партию, основанную на ленинских организационных принципах — вне рамок широких альянсов [32].

Очевидно, что Майобре исходил из расширительного понимания «исторического поворота» VII Конгресса к тактике Народного фронта, считая, что цель (борьба с диктатурой) оправдывает средства (действия коммунистов внутри многоклассовых партий, а не под собственным флагом партии пролетариата). Отказ партии от идей, отстаивавшихся одним из самых активных ее членов, означал для самого Майобре начало нового этапа биографии.

Через несколько месяцев после возвращения к легальной жизни в 1939 г., Майобре вышел из компартии, заявив Х.Б.Фуэнмайору: «Я не согласен с позицией партии; говорю честно, я не могу продолжать действовать как коммунист, но я не буду делать, как другие, заявлений против нее» [32]. Майобре сдержал это обещание, хотя партийная газета *Tribuna popular* однажды несправедливо упрекнула его в том, что во время правления Р.Бетанкура он являлся «тюремщиком коммунистов» [33]. Майобре был абсолютно искренен, сказав незадолго до своей смерти: «Когда я вышел из коммунистической партии, я дал себе слово никогда не говорить о ней дурного на публике. И я думаю, что сделал это» [5, р. 30]. Справедливости ради нужно отметить, что и PCV позднее ни в чем не обвиняла Майобре.

Майобре являлся одним из высших руководителей партии, одним из немногих венесуэльцев, известных в Коминтерне, и явно мог претендовать на большее, но предпочел уйти из активной политики, поставив принципы и взгляды выше слепого следования партийной дисциплине. Борьба фракций ему докучала, он не хотел в ней участвовать. В условиях, когда в стране началось восстановление демократии, Майобре увидел для себя возможность участия в жизни Венесуэлы в рамках не просто легальной, но главным образом нереволюционной и неполитической деятельности. Но одна из особенностей венесуэльской политики состоит в том, что она не отпускает ярких личностей.

СТРОЯ НОВУЮ ВЕНЕСУЭЛУ

Энергия и способности Майобре проявились на новых поприщах. Во время учебы в Центральном университете студенты выбрали его делегатом в совет факультета экономики. После основания в 1943 г. известным писателем-коммунистом Отеро Сильвой газеты *El Nacional* Майобре стал первым редактором ее экономического отдела. 29 сентября 1944 г. он получил степень доктора экономики (тема диссертации — «Паритет боливар»), в которой показал, что венесуэльская экономика, основанная на добыче нефти, испытывает схожие с канадской эффекты: рост нефтяных доходов ведет к росту внутренних цен и демотивирует диверсификацию экспорта.

В июле 1945 г. Майобре получил квалификацию адвоката и степень доктора политических наук, отправившись после этого в Лондонскую школу экономики для постдокторского исследования (1945—1946 гг.). Он стал первым венесуэльцем, получившим стипендию Британского Совета. В «туманном Альбионе» Майобре активно осваивал кейнсианские теории, которые вскоре начал объяснять своим студентам на родине и воплощать в жизнь.

Молодой ученый был назначен директором отдела экономических исследований Центрального банка Венесуэлы и одновременно преподавал экономику в Центральном университете. В августе 1946 г. во время конференции Центрального банка Латинской Америки в Мехико он познакомился с Раулем Пребишем, Фелипе Пасосом, Виктором Уркиди и другими известными латиноамериканскими экономистами, сыгравшими важную роль в его жизни. Годом позже Майобре был приглашен на пост заместителя исполнительного директора только что учрежденного Международного валютного фонда (МВФ), созданного ООН для развития сотрудничества государств в вопросах денежной политики, стабилизации валютных курсов, расширения международной торговли и кредитования. Как международный чиновник венесуэльский экономист участвовал во II Ежегодном совещании управляющих МВФ и Всемирного банка (Вашингтон, сентябрь 1947 г.). Годом позже он оказался в составе венесуэльской делегации на конференции ООН по торговле и занятости в Гаване. В мае 1948 г. правительством Ромуло Гальегоса (февраль — ноябрь 1948 г.) Майобре был назначен президентом Сельскохозяйственного банка и в сентябре того же года участвовал в III Ежегодном совещании управляющих МВФ и Всемирного банка в Лондоне. После свержения 24 ноября того же года президента

Гальегоса военной хунтой глава Сельхозбанка подал в отставку, хотя новые власти и просили его остаться на посту.

Майобре сосредоточился на преподавательской работе, став также представителем своего университета в Совете по национальной экономике. Многие из его лекций и выступлений на конференциях позже были опубликованы Центральным банком страны [34]. Начав деятельность в бизнесе, он стал генеральным управляющим предприятий сахарной промышленности. Политику он не оставил совсем в стороне и помогал подпольной деятельности партий Демократическое действие (*Acción Democrática, AD*) и PCV. В 1951 г. он входил в руководство электоральной коалиции Демократический венесуэльский блок (*Bloque democrático Venezolano*). Вскоре, однако, легальная жизнь при диктатуре стала для него невозможной, и, подав в отставку с поста в университете (в числе более 260 профессоров), он уехал на Кубу в ноябре того же года.

В карибском государстве Майобре почти сразу получил предложение основателя и президента Национального банка Ф.Пасоса перейти к нему на работу. Но к тому моменту Майобре уже согласился стать сотрудником Экономической комиссии ООН для Латинской Америки (ЭКЛАК) в ее отделении, расположенном в г. Мехико и руководимом Виктором Уркиди. Кроме того, через три месяца (в марте 1952 г.) на Кубе произошел государственный переворот, и Пасос был вынужден покинуть свой пост.

ЭКЛАК была создана в 1948 г. для координации политики в целях содействия экономическому развитию региона. Ее мандат включал инициативное участие в совместных действиях, направленных на решение экономических проблем, возникших в результате Второй мировой войны, активизацию экономической деятельности на континенте и расширение связей стран Латинской Америки между собой и с другими государствами мира, наконец, на исследование и изучение экономических и технологических вопросов, сбор, анализ и распространение технологических и статистических сведений [35].

Исполнительный секретарь ЭКЛАК аргентинец Пребиш сумел собрать команду экономистов, тогда еще мало известных, но под его руководством начавших свой путь к славе: венесуэлец Хосе Антонио Майобре, бразилец Сельсо Фуртадо, чилийцы Фелипе Эррера, Педро Вускович и Жак Чончоль, мексиканец Хуан Нойола и др. Они стали идеологами и апологетами теории «десарролизма», в рамках которой главными задачами считались ускорение экономического роста латиноамериканских стран на путях «ускоренной модернизации с активным участием иностранного капитала, проведение аграрных преобразований, укрепление госсектора, а в социально-политической сфере — развитие демократических порядков и обеспечение основных гражданских прав и свобод» [36, с. 54]. Десарролисты указывали также на невозможность подходить к странам Латинской Америки с лекалами, придуманными для экономически развитых стран, и требовали учитывать своеобразие региона.

За пять лет службы международным функционером Майобре побывал на посту заместителя директора подотдела ЭКЛАК в Мексике (1952 г.), представителем Управления технической помощи ООН в Центральной Америке (1953), техническим секретарем Комитета экономического со-

трудничества в Центральной Америке, в 1954 г. возглавил отдел развития в штаб-квартире ЭКЛАК в Сантьяго-де-Чили, сменив С.Фуртадо, а в 1957 г. был назначен руководителем только что созданного подотдела в Рио-де-Жанейро. Работая в Мехико, венесуэлец внес немалый вклад в развертывание процесса центральноамериканской интеграции, который через несколько лет привел к созданию Центральноамериканского общего рынка (*Mercado Común Centroamericano, МССА*). В Боливии в 1956 г. он руководил миссией советников ЭКЛАК при правительстве Эрнана Силеса Суасо (1952, 1956—1960, 1982—1985 гг.).

Где бы ни работал Майобре, он и его семья часто встречались с венесуэльскими эмигрантами, среди которых были экс-президент Р.Гальегос, Г. и Э.Мачадо, Ф.Кей Санчес и другие — сторонники АД, РСВ, иных партий, независимые политики. Занимаясь центральноамериканскими или общелатиноамериканскими вопросами, Майобре все время, как позднее вспоминал Фуртадо, «продолжал фокусировать свое мышление на Венесуэле, будучи уверенным, что диктатура вступила в период разложения», и вскоре можно будет реализовать предложения ЭКЛАК и на родине [37].

Свержение 23 января 1958 г. диктатуры Маркоса Переса Хименеса (1952—1958 гг.) позволило политическим эмигрантам вернуться в страну. Майобре по договоренности с Пребишем оставил работу в ЭКЛАК, чтобы применить свои знания и опыт в деле служения революции. Майобре прилетел в страну со своей семьей 2 марта, в один день с Гальегосом и большой группой эмигрантов из Мексики, с которыми встретился в аэропорту Майкетия.

Вскоре Майобре был назначен членом правления Венесуэльской корпорации развития, стал президентом Венесуэльской ассоциации экономистов, был восстановлен в должности в Национальном экономическом совете и возглавил кафедру экономического анализа Центрального университета Венесуэлы [5, р. 47]. 1958 г. оказался полным надежд практически для всех венесуэльцев, но для Майобре тот год стал особенным: ученый получил шанс проверить на прочность идеи, ранее разрабатывавшиеся им в ЭКЛАК. Он стал первым из плеяды экономистов ЭКЛАК, добившимся высокого поста в правительстве своей страны.

28 мая Майобре сменил на посту министра финансов Артуро Сосу, вошедшего в состав Правительственной хунта [5, р. 48], оказавшись таким образом в центре политической бури, разразившейся в стране. В то время как часть венесуэльских политиков, поддержанная значительным числом студентов и промышленных рабочих, требовала ускорения социально-экономических реформ и демонтажа наследия диктатуры, обеспокоенные консервативные круги собирались дать отпор. Венесуэла находилась на грани государственного переворота, готовившегося министром обороны полковником Хесусом Марией Кастро Леоном. Тот заявил председателю Временной правительственной хунты контр-адмиралу Вольфгангу Ларрасабалью Угуэто, что высшее военное командование испытывает дискомфорт из-за активности АД в правительстве и неуважительного отношения прессы к вооруженным силам, и потребовал провести реорганизацию государственной администрации, принять закон о печати, объявить вне закона коммунистов и создать национальный коалиционный кабинет.

Несколько министров, в том числе Майобре, на заседании кабинета 21 июля потребовали от Кастро Леона внести ясность в ситуацию в вооруженных силах. Полковник заявил, что слухи о перевороте — просто домыслы, а дебаты зашли в тупик, «потому что гражданские не понимают военных» [5, р. 49]. На следующий день временный глава государства Ларрасабаль провел совещание членов хунты и группы министров и поставил вопрос о смещении министра обороны. Кастро Леон, поддержанный некоторыми воинскими частями, отказался выполнять приказ. Столкнувшись с этой ситуацией, член хунты Эдгар Санабрия и группа министров, собравшись в штабе ВМС, договорились, что «если решение хунты об увольнении министра и офицеров за бунт не будет выполнено, они не останутся в правительстве» [5, р. 49]. Майобре решительно встал на сторону тех членов правительства, кто заявил, что никаких «договоров» с людьми, грозящими военным переворотом, быть не может. Министр образования Рафаэль Пизани предупредил руководство Центрального университета о необходимости готовиться к массовой демонстрации протеста студентов и преподавателей. Столкнувшись с решительным настроем оппонентов, Кастро Леон был вынужден покинуть свой пост. Венесуэльская демократия победила.

Главной задачей Правительственной хунты была подготовка в течение 1958 г. всеобщих выборов. Атмосфера политического подъема способствовала созданию условий для выдвижения на пост президента единого кандидата, с программой, отвечающей интересам широких демократических слоев общества. Такая возможность опиралась на опыт Патриотической хунты, возглавившей свержение диктатуры, в которую входили представители *AD*, *PCV*, левоцентристского Революционно-демократического союза (*Unión Revolucionaria Democrática, URD*) и правоцентристского Комитета независимой избирательной политической организации (*Comité de Organización Política Electoral Independiente, COPEI*) [31, сс. 126-127].

Переговоры и борьба за выдвижение единого кандидата продолжались практически до 31 октября, когда был подписан Пакт Пунто-Фихо, который сам по себе не закрывал двери для такой возможности: в нем был пункт, гласивший: «Идеалом единства... был бы выбор единого демократического кандидата в президенты». Но партийные кандидатуры уже были намечены, и тем самым дан ответ тем, кто отстаивал дух единства. Реальность, политические амбиции лидеров противоречили этой исторической перспективе. 31 августа представители экономических кругов высказались за единство и объявили имя своего кандидата — Хосе Антонио Майобре, в то время как университетский сектор и коммунисты склонялись к фигуре министра образования Рафаэля Пизани и выдвинули лозунг «Пизани — да, Майобре — нет!» [5, р. 53].

Впоследствии имя Майобре еще несколько раз называлось среди возможных кандидатов в президенты, но он не прилагал усилий для того, чтобы номинироваться, предпочитая оставаться независимым деятелем. Когда у Ромуло Бетанкура спустя годы спросили, почему Майобре, один из самых подготовленных для этой роли венесуэльцев, не стал президентом республики, тот ответил: «Очень просто: он презирает партии» [5, р. 54]. Но именно презиравший партии Майобре сыграл важную роль в выборах. На голосовании 7 декабря триумфатором стал Бетанкур, но в столице без-

оговорочную победу одержал Ларрасабаль (за которого призвали голосовать *URD* и *PCV*), и участники масштабных демонстраций в Каракасе требовали, чтобы именно он провозгласил свою победу. Майобре отправился убеждать Ларрасабаль в необходимости следовать правилам демократической игры и преуспел в этом. Контр-адмирал публично признал свое поражение.

После победы на первых за 22 года свободных президентских выборах лидер *AD* Бетанкур предложил Майобре остаться в новом трехпартийном правительстве в прежней должности — в качестве независимого министра. По оценке официальных историографов министерства, работа министра Майобре (1959—1960 гг.) была особенно трудной из-за критического финансового положения Венесуэлы: обострившаяся за годы диктатуры инфляция грозила вызвать серьезные диспропорции в национальной экономике. Бюджетный дефицит, накопившиеся долги с коротким сроком погашения, чрезмерное расширение кредитования привели страну к уровню расходов, превышавших необходимые для сбалансированного развития. Это происходило на фоне падения мировых цен на нефть и сокращения валютных поступлений Венесуэлы от экспорта (дефицит валюты достигал почти 280 млн долл. в год) [38, р. 209]. В итоге возник дефицит платежного баланса, резервы казначейства сократились, а цены взлетели вверх. Правительство было вынуждено провести санацию экономики и резко сократить государственные расходы.

У нового правительства просто не было достаточного времени для детального рассмотрения проектов программ и расходов подведомственных подразделений, действовать приходилось крайне быстро и на фоне накопившегося серьезного общественного недовольства. При этом министерство финансов не только сократило расходы, но и добилось существенного изменения в отношениях с нефтяными компаниями: вместо прежней формулы «50/50» государство стало получать до 60% доходов от добычи углеводородов, что Ф.Пасос назвал «историческим решением».

Министерство Майобре столкнулось с бегством иностранных инвесторов, не всегда готовых адаптироваться к условиям демократии, расширению прав профсоюзов и свободы выражения мнений, опасавшихся (во многом излишне) потенциального вмешательства правительства в экономику и — одновременно — подрывной деятельности в сфере управления, начатой оппозиционными секторами, связанными с прошлой диктатурой. Сказывалось и отсутствие уверенности инвесторов в сохранении свободной конвертируемости венесуэльской валюты из-за сохранявшегося дефицита платежного баланса и уменьшения золотовалютных резервов. В то же время министр настаивал на отказе от идеи валютного контроля [38, р. 209]. Постепенно Майобре удалось добиться изменения баланса между расходами на оплату труда и доходами предпринимателей, обеспечив рост зарплат в основных секторах экономики страны. В то же время венесуэльское общественное мнение серьезно критиковало министра за введенные меры по ограничению импорта ряда товаров, особенно накануне Рождества 1959 г.

В мае 1959 г. Майобре во главе венесуэльской делегации беседовал с лидером кубинской революции Фиделем Кастро (1959—2008 гг.) в Национальном институте аграрной реформы. Разговор, закончившийся безрезультатно, четко показал различия в подходах. В то время как венесуэлец

выразил обеспокоенность отсутствием выборов на Кубе и чрезмерной «словесной жесткостью» дискурса Гаваны в отношении США, хотя и разделял желание Кубы избавиться от экономической зависимости от американцев, Фидель заявил, что осуществление революции исключает проведение «классических» выборов, а также пообещал слегка умерить тон антиамериканских выступлений (чего так и не случилось). Экс-коммунист Майобре делал ставку на развитие социальных реформ в рамках демократии, тогда как молодой кубинский революционер был убежден в правильности своего пути и не собирался с него сворачивать ради скомпрометировавшей себя (по крайней мере, в глазах его самого и его сторонников) модели политического развития [39].

В начале ноября 1960 г. на фоне разразившегося политического кризиса (уход URD из правящей коалиции), решения кабинета получить кредит МВФ, с чем министр финансов был согласен, и желания большинства членов правительства ввести валютный контроль, Майобре, категорически возражавший против данной меры, подал в отставку [5, p. 70]. Уже к весне 1961 г. стало ясно, что экс-министр был прав, и валютный контроль не сумел сдержать бегство капитала. Но решать проблему пришлось уже другим людям. В жизни Майобре началась новая глава.

НА ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ПОПРИЩЕ

Через три недели после отставки Майобре получает назначение на пост посла Венесуэлы в США и, по совместительству, — представителя в Организации американских государств и МВФ. Это была ключевая позиция в венесуэльской дипломатии, ориентированной на тесные отношения с США. Верительные грамоты Майобре вручил 15 января 1961 г. президенту Дуайту Эйзенхауэру (1953—1961 гг.), которого в Белом доме через пять дней сменил Джон Кеннеди (1961—1963 гг.). На два года работы Майобре в Вашингтоне пришлось много важнейших событий, прямым участником или свидетелем которых ему довелось стать.

Руководитель группы, разрабатывавшей новую латиноамериканскую политику США, профессор Адольф Берли привлек к работе и американских, и латиноамериканских экспертов. В основном это были идеологи «десарролизма» — Хосе Антонио Майобре, Рауль Пребиш, Хосе Антонио Мора, Фелипе Эррера и др., подписавшие 8 марта 1961 г. «Меморандум», отражавший «личные оценки латиноамериканцев, бравших на себя полную ответственность за содержащиеся в нем формулировки». Участвовавший в этом «мозговом штурме» Фелипе Пасос отметил, что «работа носила коллективный характер; вклад Майобре в нее был очевиден», и добавил: «документ положил начало «Союзу ради прогресса». Роль венесуэльца как «самого важного человека, в качестве посла доставившего это личное письмо президенту», позднее отмечал и Пребиш. Через пять дней президент США пригласил в Белый дом латиноамериканских послов, чтобы представить свою политику в отношении региона. Как отмечал Майобре, «почти все идеи, содержащиеся в нашем документе, были включены в речь президента Кеннеди» [5, p. 75].

Хосе Антонио Майобре с Генсеком ООН У Таном

Для двухсторонних отношений экстраординарную роль играл подготовленный при участии венесуэльского дипломата визит Кеннеди в Каракас (декабрь 1961 г.). Президенту США было важно в ходе первой поездки в Латинскую Америку (помимо Венесуэлы он посетил Колумбию) получить поддержку своей политики «Новых рубежей», важной составляющей которой являлись «Союз ради прогресса» и поддержка «представительных демократий» как альтернативы кубинской революции. В послании Бетанкуру Кеннеди отмечал, что на него произвели впечатление усилия Венесуэлы «для продвижения вперед дела социального прогресса в рамках демократической структуры, в которой принципы индивидуальной и человеческого достоинства полностью уважаются» [31, с. 241]. В глазах президента США эта страна была примером для всей Латинской Америки. Такая поддержка, несомненно, импонировала Бетанкуру, самому яростному критику режима Кастро на континенте, позиционировавшему курс своего правительства как альтернативу кубинскому пути. На фоне провала визита в Каракас в 1958 г. республиканского вице-президента Ричарда Никсона поездка Кеннеди стала триумфальной.

Майобре еще в мае 1962 г. согласился с предложением сменить Пребиша в ЭКЛАК. Возглавлявший организацию в течение 13 лет аргентинец стал отцом — основателем новой ооновской структуры — Конференции ООН по торговле и развитию (United Nations Conference on Trade and Development, UNCTAD). Но в связи с гибелью Генерального секретаря

ООН Дага Хаммершельда назначение было отложено, и Майобре предложили временно занять пост комиссара ООН по промышленному развитию в ранге заместителя Генерального секретаря ООН [5, pp. 78-79]. Так у старшего функционера ооновских структур впервые появился кабинет в здании на Ист-Ривер. Впрочем, в нем он не засиживался, проводя время в регулярных командировках в страны Азии, Африки и Латинской Америки для создания основы ООН по промышленному развитию (United Nations Industrial Development Organization, UNIDO) — специализированного учреждения, уполномоченного содействовать промышленному развитию и международному промышленному сотрудничеству.

Окончательное решение о назначении венесуэльского экономиста Исполнительным секретарем ЭКЛАК новый глава ООН У Тан принял в августе 1963 г. Это решение было объявлено на Ассамблее Комиссии в Мардель-Плата. В круг новых обязанностей Майобре вошло обеспечение руководства работой комиссии: ответственность за осуществление всех мероприятий ЭКЛАК; оказание Генеральному секретарю ООН содействия и консультативных услуг; обсуждение вопросов и проблем, затрагивающих Комиссию, с представителями государств-членов, членами директивных органов, другими департаментами и управлениями Секретариата ООН, специализированными учреждениями, межправительственными и неправительственными организациями; формирование общей стратегии, необходимой для разработки и осуществления программы работы комиссии.

Одной из обязанностей секретаря ЭКЛАК является «выполнение любых специальных поручений Генерального секретаря ООН». Такое «специальное поручение», носившее политический характер, Майобре получил в связи с драматическим кризисом в Доминиканской Республике. Сторонники бывшего президента Хуана Боша (февраль — сентябрь 1963 г.) — так называемые конституционалисты — свергли действующую хунту, на что «лоялисты» ответили военными действиями. В конфликт вмешались США, обвинившие «конституционалистов» в получении помощи Кубы (и опосредованно СССР), в итоге страна была оккупирована войсками ОАГ (по преимуществу, США). 14 мая 1965 г. Совет Безопасности ООН призвал к «строгому прекращению огня» и предложил Генеральному секретарю «в порядке неотложной меры» направить в страну представителя в целях подготовки доклада «о существующем положении», а всех участников конфликта — сотрудничать в процессе выполнении этой задачи [40].

16 мая 1965 г. У Тан информировал Совбез о том, что назначил своим представителем в Санто-Доминго Майобре. На следующем заседании, посвященном событиям на острове, Совбез постановил просить Генерального секретаря передать своему посланцу указание о необходимости направить его «устойчивые усилия» на «облегчение немедленной приостановки военных действий, с тем, чтобы облегчить проведение Красным Крестом его гуманитарной работы по поискам убитых и раненных» [41]. Как вспоминал У Тан, Майобре, прибыв на Санто-Доминго 18 мая, уже 21-го числа смог добиться прекращения огня, в отличие от провальной попытки, предпринятой ранее ОАГ. [42]. Сам Майобре подчеркивал важность не только прекращения огня, но и того, что США отказались от прямой поддержки «лоялистов», открывая возможность для политического диалога.

Сотрудники Майобре находились в постоянном контакте со сторонами конфликта — Правительством национального восстановления и Конституционным правительством, Специальным Комитетом ОАГ и командованием Межамериканских вооруженных сил. Тщательно фиксировались все инциденты между противоборствующими силами, при этом ооновская группа сохраняла максимальную объективность при оценке причин. Тревогу у миссии ООН вызывали обострение экономического положения страны и проблема соблюдения прав человека. И представитель Генерального секретаря, и его военный советник индийский генерал-майор Индар Джит Рикхье неоднократно посещали Межамериканскую комиссию по правам человека, информируя ее о всех жалобах, поступавших в миссию ООН. При этом посланцы ОАГ считали свою комиссию единственным органом, «отвечающим за соблюдение прав человека в Доминиканской Республике». Со своей стороны Межамериканская комиссия снисходительно допускала в некоторых случаях, чтобы представители всемирной организации «сопровождали ее в поездках вглубь страны или при рассмотрении выявленных фактов» [43]. У Тан позднее прямо заявил, что в доминиканском кризисе США и ОАГ не признавали и не уважали приоритет ООН, а Вашингтон «использовал ОАГ как орудие своей политики» (при этом напрямую сравнил действия США в 1965 г. с акцией СССР в отношении «пражской весны» 1968 г.). Президент США Линдон Джонсон (1963—1969 гг.), по словам Генсека ООН, прямо называл Майобре «антиамериканцем» [42].

По оценке Департамента общественной информации ООН, доклады представителя Генерального секретаря в Совбез содержали определенную долю критики в адрес войск ОАГ, нарушавших решения совета о прекращении огня, и Соединенные Штаты приняли все меры к тому, чтобы затруднить деятельность Майобре. Специальный комитет ОАГ, действуя по указаниям посла США Элсуорта Банкера, и близко не допускал Майобре к святым святым — вопросам «политического урегулирования» в Доминиканской Республике, бросая «прямой вызов авторитету ООН и ее Совету безопасности и утверждая, что действия совета, направившего представителя Генерального Секретаря на остров, являются «обструкцией» и «помехой» в деле политического урегулирования. ОАГ предлагала, чтобы Совбез вообще прекратил рассмотрение вопроса о вмешательстве США во внутренние дела Доминиканской Республики. Таким образом, ОАГ, не имевшая никакого права предпринимать принудительные меры против государства — члена ООН без разрешения Совбеза, взяла на себя смелость «диктовать свои условия Совету Безопасности, поучать Совет и предписывать, как он должен и как не должен поступать», а голосование делегации США по этому вопросу было «насквозь лицемерным» [43].

В условиях накапливавшихся трений между ООН с одной стороны, и США и ОАГ — с другой, а также в контексте достижения договоренности между противоборствующими сторонами об отставке двух правительств и проведении выборов (на них победил бывший соратник диктатора Рафаэля Трухильо (1930—1961 гг.), Хоакин Балагер (1960—1962, 1966—1978, 1986—1996 гг.), ставших юридическим основанием для вывода «межамериканских сил», ООН сочла миссию Представителя Генерального секретаря

ря в Доминиканской Республике завершённой. 14 октября 1966 г. было принято решение отозвать Майобре [44].

Вернувшись в ЭКЛАК, венесуэлец проработал в Мехико и Чили еще несколько месяцев, но в январе принял приглашение президента Венесуэлы Рауля Леони (1964—1969 гг.) возглавить министерство горной и нефтедобывающей промышленности. Передав полномочия своему соратнику, мексиканцу Карлосу Кинтане, Майобре вернулся в Каракас. Продолжая базовые линии двух своих предшественников, он неустанно работал над усилением регулирования в сферах добычи и нефтепереработки, созданием фабрик по обессериванию венесуэльского «черного золота». Несколько лет спустя Майобре написал ту часть экономической программы кандидата в президенты от АД Карлоса Андреса Переса (1974—1979, 1989—1993 гг.), которая привела к национализации нефтяной промышленности в 1975 г. Ключевую роль для развития нефтедобычи в Венесуэле должна была играть ОПЕК, регулировавшая объемы добычи, чтобы не допустить резкого падения цен.

После ухода из политической жизни доктор Майобре продолжил активную деятельность в качестве советника главы Центрального банка Венесуэлы, члена Высшего совета Университета Симона Боливара и Исполнительного совета Городского университета. Он участвовал в Первой международной конференции ООН по вопросам окружающей среды и был приглашен в элитных международных организациях — Римского клуба* и Группы 30-ти**. 43 года спустя после VII Конгресса Коминтерна Майобре вновь побывал в СССР, посетив Москву и места нефтедобычи в Сибири.

Умер Хосе Антонио Майобре в 1980 г. в Вашингтоне. Так замкнулся круг жизни человека, ставшего одной из самых значительных фигур венесуэльской и международной политики, прочерченный от Охотного ряда в Москве до Ист-Ривер в Нью-Йорке.

Шведский писатель Артур Лундквист назвал Латинскую Америку вулканическим континентом. Революции, гражданские войны, перевороты — важнейшие составляющие ее истории. И совершенно естественно, что жизненный путь многих участников этих бурных событий наполнен взлетами и падениями, неожиданными поворотами. На примере биографии Хосе Антонио Майобре можно проследить важные этапы венесуэльской истории 1930—1970 гг., увидеть эволюцию человека, прошедшего тернистый путь революционера, не изменившего своим юношеским идеалам, даже отказавшись от идеологии, приверженцем которой он был в юности. Биография Майобре — не только блестящая демонстрация значимости роли

* Международный аналитический центр, объединивший в 1968 г. представителей мировой политической, финансовой, культурной и научной элиты, для изучения перспектив развития биосферы, пропаганды идеи гармонизации отношений человека и природы.

** Группа 30 (*The Group of Thirty, G30*) — международная некоммерческая организация, объединяющая 30 представителей центральных банков и крупных частных банков разных стран, а также ведущих мировых экономистов. Ее целями являются углубленный анализ принимаемых международных решений в экономической сфере и разработка мер для повышения эффективности функционирования мирового финансового рынка.

личности в истории, но и пример того вклада, который внесли Венесуэла и венесуэльцы в развитие латиноамериканского континента в XX столетии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Alexander R.J. The Communist Party of Venezuela. Stanford, Calif., Hoover Institution Press, 1969, 246 p.
2. Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Предтечи. Размышления о предыстории Коммунистической партии Венесуэлы. *Латинская Америка*. М., 2012, № 12, сс. 44-61. [V.L.Jeifets, L.S.Jeifets. Predtechy. Razmyshleniya o predystorii Kommunisticheskoi partii Venesuely [The Forerunners. Reflections on the pre-History of the Communist Party of Venezuela]. *Latinskaya Amerika*. Moscow, 2012, N 12, pp.44-61. (In Russ.).]
3. Melcher D. *La solidaridad internacional con Sandino. 1928-1930. Un estudio sobre relaciones internacionales informales*. BOLETIN DE LA ACADEMIA NACIONAL DE LA HISTORIA. Mérida, Facultad de Economía, 1988, pp. 219-242.
4. Key Sánchez F. Fundación del Partido Comunista de Venezuela. Caracas, Carlos Aponte, 1984, 94 p.
5. Mayobre E. Jose Antonio Mayobre (1913-1980). Biblioteca biográfica venezolana. Volumen 110. Caracas, El Nacional, 2009, 126 p.
6. Коминтерн и Латинская Америка. Сборник документов. М., Наука, 1998, 395 с. [Comintern i Latinskaya Amerika. Sbornik dokumentov [The Comintern and Latin America. Antology]. Moscow, Nauka, 1998, 395 p. (In Russ.).]
7. Caballero M. Entre Gómez y Stalin (la sección venezolana de la Internacional Comunista). Caracas, Universidad Central de Caracas, 1989, 286 p.
8. Товарищам венесуэльским коммунистам! Письмо Латиноамериканского Секретариата КИ (Москва, 8 января 1930 г.). Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495, Оп. 107, Д. 16, Л. 1. [Tovarishcham venesuelskim kommunistam! Pis'mo Latinoamerikanskogo Sekretariata KI (Moskva, 8 yanvaria 1930 g.) [To the Comrades Venezuelan Communists! The Latin American Secretariat of the CI's letter (Moscow, January 8, 1930)]. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), Fond 495, Inv. 107, Fold. 16, P.1. (In Russ.).]
9. Директивы по работе делегации КИ в Колумбии. 25 ноября 1929 г. РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 104, Д. 27, Л. 5-6. [Directivy po rabote delegatsii KI v Kolumbii. 25 noyabria 1929 g. [Directives on the labor of the CI's delegation in Colombia. November 25, 1929]. RGASPI, Fond 495, Inv. 104, Fold. 27, PP.5-6 (In Russ.).]
10. Fuenmayor J.B. 1028-1948. Veinte años de política. Caracas, Editorial Mediterraneo, 1968, 358 p.
11. Manifiesto del Partido Comunista al pueblo trabajador de Venezuela. Available at: http://es.wikisource.org/wiki/Manifiesto_del_Partido_Comunista_al_pueblo_trabajador_de_Venezuela (accessed 10.11.2022).
12. García Ponce G. Memorias de un general de la utopia. Caracas, COTRAGRAB, 1982, 294 p.
13. Key Sánchez F. Primera célula comunista en Venezuela, marzo-5-1931. Caracas, 1971, 31 p.
14. Personal folder of José Antonio Mayobre. RGASPI, Fond 495, Inv. 200, Fold. 5.
15. А.Ф. Сад пыток в Каракасе. *Комсомольская правда*. 04.07.1933. [A.F. Sad pytok v Karakase [The garden of tortures in Caracas]. *Komsomolskaya Pravda*, 04.07.1930. (In Russ.).]
16. Ривас Х. В застенках Венесуэлы. *Правда*. 28.08.1935. [J.Rivas. V zastenках Venesuely [In the Venezuelan dungeons]. *Pravda*. 28.08.1935 (In Russ.).]
17. Arturo Ramirez' s letter. RGASPI, Fond 495, Inv. 107, Fold. 57, p. 3.
18. В стране диктатора Гомеца. Речь тов. Риваса (Венецуэла). *Правда*. 13.08.1935. [V strane diktatora Gometza. Rech' tov. Rivas (Venetzuela) [In the country of dictator Gomez. The speech by Com. Rivas (Venezuela)]. *Pravda*. 13.08.1935. (In Russ.).]
19. Решение ИКК о Хозе Антонио Маджобре, Кей Санчесе и де Кастро. *Коммунистический Интернационал*. 23 июля 1936, №14, с. 122 [Rescheniie IKK of Jose Antonio Madjobre, Key Sanchese i de Castro]. [The decision of the ICC on Jose Antonio Mayobre, Key Sanchez and De Castro]. *Kommunisticheskii Internatsional*. July 23, 1936, N14, p.122. (In Russ.).]
20. Prieto L.B. José Antonio Mayobre. *El Nacional*. Caracas, 26.08.1980.

21. Venezuelan delegation (Romero, Juan Rivas) to Comrade Van Min, November 15, 1935. RGASPI. Fond 495, Inv. 107, Fol. 61, p. 19.
22. Кроэс Э. Рабочее движение Венесуэлы. М., Прогресс, 1977, 183 с. [H. Kroes. Rabochee dvizheniie Venesuely. [The Venezuelan Labor Movement]. Moscow, Progress, 1977, 183 p. (In Russ.).]
23. O.Meshkovskaya's note for the Department of Personnel of the ECCI, November 21, 1935. RGASPI, Fond 495, Inv. 107, Fold. 61, P.36.
24. Хейфец, В.Л., Хейфец Л.С. Латинская Америка в орбите мировой революции. М., Росспэн, 2020, 759 с. [V.L.Jeifets, L.S. Jeifets. Latinskaya Amerika v orbite mirovoi revolutsii. [Latin America in the orbit of the world revolution]. Moscow, Rosspen, 2020, 759 p. (In Russ.).]
25. Ramirez' note, September 21, 1935. RGASPI, Fond 495, Inv. 107, Fold. 61, PP.21-22 (34-35).
26. Ривас Х. О политике кадров и о мерах для повышения бдительности в секциях Коминтерна. Коммунистическая партия Венесуэлы. 15.III. 1936 г. РГАСПИ. Ф. 495, Оп. 20, Д. 355, ЛЛ. 5-13. [Kh. Rivas. O politike kadrov i o merakh dlia povysheniia bditelnosti v sektsiyakh Komintern. Kommunisticheskaya partiya Venetzuely. 15 marta 1936 g. [On the policy of personnel and on measures to increase vigilance in the sections of the Comintern. The Communist Party of Venezuela]. RGASPI. Fond 495, Inv. 107, Fold. 355, PP. 5-13. (In Russ.).]
27. Мещеряков М. Судьба интербригад в Испании по новым документам. *Новая и новейшая история* М., 1993, №5. сс. 18-42. [M. Mescheriakov. Sud'ba interbrigad v Ispanii po novym dokumentam [The Destiny of the International Brigades in Spain, according to the newly found documents]. *Novaia i noveishaia istoriia*. Moscow, 1993, N5, pp.18-42. (In Russ.).]
28. Venezuelan Situation. March 10, 1936. RGASPI. Fond 495, Inv. 20, Fold. 355.
29. Фариа Х. Становление коммуниста. Воспоминания. М., Издательство политической литературы, 1983, 320 с. [Kh. Faria. Stanovleniie kommunist. Vospominaniya [The development of a Communist. Memories]. Moscow, Gospolitizdat, 1983, 320 p. (In Russ.).]
30. El camarada Gustavo Machado, Discurso del camarada Jesus Faria en el 86 aniversario del nacimiento del camarada Gustavo Machado. 30 de enero de 2009. Available at: <http://comunismasmiranda-documentos.blogspot.com/2009/01/el-camarada-gustavo-machado-discurso.html> (accessed 10.06.2022).
31. Дабаян Э.С. Национал-реформизм в современной Венесуэле. Партия «Демократическое действие»: идеология и политика. М., Наука, 1972, 272 с. [Dabagyan E.S. Natsional-reformizm v sovremennoi Venesuele. Partiia "Demokraticheskoe deistvie": ideologiya i politika [National-reformism in contemporary Venezuela. The Party "Democratic Action", its ideology and activities]. Moscow, Nauka, 1972, 272 p. (In Russ.).]
32. Fuenmayor J.B. 1928-1948. Veinte años de política. Caracas, Editorial Mediterraneo, 1968, 358 p.
33. En el 73º Aniversario de la Primera Conferencia Nacional del PCV // *Tribuna Popular*. 5.VIII.2010. Available at: <http://tribuna-popular.org/index.php/documentos/7095-en-el-73o-aniversario-de-la-primera-conferencia-nacional-del-pcv> (accessed 14.01.2022).
34. Mayobre J.A. Obras Escogidas. 3 vols. Caracas, Banco Central de Venezuela, 1982, 711 p.
35. Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна. [Jekonomicheskaja komissija dlja Latinskoj Ameriki i Karibskogo bassejna. [Economic Commission for Latin America and the Caribbean]. Available at: <https://www.un.org/ru/ecosoc/eclac> (accessed 14.01.2022). (In Russ.).]
36. Яковлев П.П. Перед вызовами времени. Циклы модернизации и кризисы в Аргентине. М., Прогресс-Традиция, 2010, 464 с. [Yakovlev P.P. Pered vyzovami vremeni. Tsikly modernizatsii i krizisy v Argentine. [Before the challenges of time. The cycles of modernization and crises in Argentina]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2010, 464 p. (In Russ.).]
37. Furtado, C. La Fantasía Organizada. Buenos Aires, FUDEBA, 1988, 210 p.
38. 150 años del Ministerio de Hacienda, Tomo V 1947-1980, Ediciones de la Presidencia de la República, Ministerio de Hacienda, Pro-Haci. Available at: <http://www.mf.gov.ve/detalle.asp?id=75&plantilla=8> (accessed 06.01.2022).
39. Mayobre J.A. Carta y Memorándum a Rómulo Betancourt, 9 de octubre de 1969, inédito. – 5, pp. 65-66.
40. The Situation in the Dominican Republic. Resolution 203 (1965) / [adopted by the Security Council at its 1208th meeting], of 14 May 1965. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/223/14/PDF/NR022314.pdf?OpenElement> (accessed 10.11.2021).

Виктор Хейфец, Лазарь Хейфец

41. The Situation in the Dominican Republic. Resolution 205 (1965) / [adopted by the Security Council at its 1210th meeting], of 22 May 1965. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/223/14/PDF/NR022314.pdf?OpenElement> (accessed 10.11.2021).
42. U Thant. View from the UN. The Memoirs of U-Thant. London, David & Charles, 1978, 508 p.
43. Comisión Interamericana de Derechos Humanos. Organización de los Estados Americanos. Actuaciones en el territorio de la República Dominicana. Available at: <http://www.cidh.org/countryrep/rep.dominicana65sp/cap.3.htm> (accessed 10.06.2021).
44. Representative of the Secretary-General in the Dominican Republic. 1964-1965. Available at: <https://www.un.org/securitycouncil/content/repertoire/representatives-mediators-coordinators-and-good-offices> (accessed 10.06.2022).

Victor L. Jeifets (jeifets@gmail.com)

Dr. Sc., professor at the Saint-Petersburg State University
Universitetskaya emb., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation
Professor at the Saint-Petersburg University of Aerospace University
Bolshaya Morskaya str., 67, Saint-Petersburg, Russian Federation

Lazar S. Jeifets (ilaranspb@hotmail.com)

Drs. Sc., professor at the Saint-Petersburg State University
Universitetskaya emb., 7-9, 199034 Saint-Petersburg, Russian Federation
Professor at the Saint-Petersburg University of Aerospace University
Bolshaya Morskaya str., 67, Saint-Petersburg, Russian Federation

The research was carried out thanks to financial support of the Russian Scientific Fund, grant № 19-18-00305, “The Comintern in Latin America: historical traditions and political processes”.

From Okhotny ryad to East River: life and destiny of the revolutionary Jose Antonio Mayobre

Abstract: The article, written on the basis of previously unpublished archival documents, memoirs, compared with scientific literature, examines the biography of the outstanding Venezuelan economist and politician Jose Antonio Mayobre. His life was filled with bright events: participation in the activities of the Communist Party of Venezuela, the work in such so international organizations like the Comintern, the International Monetary Fund, the UN Economic Commission for Latin America, the UN, in the Government of Venezuela and as a diplomat. The authors compare the turns in Mayobre's life with the stages of world and Venezuelan history.

Key words: Mayobre, Communist Party of Venezuela, IMF, United Nations, ECLAC.

DOI: 10.31857/S0044748X0024416-6

Received September 2, 2022.